

## Глава 15. Визит к больному

Запах лекарственной мази оказался для крохи слишком резким. Поморщившись, малыш брезгливо отвернул крошечную головку.

— Это лекарственная мазь, — мягко произнёс Таотэ. — Смажем кожу, и завтра уже ничего не будет ни зудеть, ни болеть.

Наносить лекарственную мазь приходилось с предельной осторожностью. Якоб был настолько крошечным и хрупким, что если со спиной и плоской грудью Таотэ ещё кое-как справился, то смазать крошечные ручки и ножки оказалось задачей почти невыполнимой — пальцы оборотня просто не могли подобраться к самым мелким складочкам.

Заметив его замешательство, малыш проявил завидную самостоятельность. Зачерпнув крохотной ладошкой немного лекарственной мази с пальца Таотэ, он принялся усердно размазывать её по себе, забавно извиваясь всем телом.

Когда всё тельце наконец покрылось ровным слоем лекарственной мази, оба облегчённо выдохнули и замерли.

Закончив с процедурой, малыш довольно похлопал себя по крошечной груди. Таотэ даже показалось, что он услышал два отчетливых, едва различимых хлопка.

Умывшись, Якоб совсем разомлел и начал клевать носом. Таотэ аккуратно уложил его на подушку, а сам принялся за дела.

Видя, что измученный за день кроха едва держится на ногах, оборотень на скорую руку сварил жидкую кашу из рисовых плодов. Кое-как накормив сонного малыша, он принялся готовить ужин для себя, а после умылся и прибрался в доме.

Когда со всеми заботами наконец было покончено, луна уже поднялась высоко в зенит.

Наглухо заперев окна и двери, Таотэ забрался на постель, чтобы наконец лечь спать.

Свежее одеяло тихо зашуршало. Стоило Таотэ лечь, как кроха на соседней подушке завожился. Оборотень испугался, что побеспокоил его своим движением, однако погружённый в полудрему малыш лишь повернулся, сонно посмотрел на него пару мгновений и, окончательно успокоившись, закрыл глазки и погрузился в глубокий сон.

То, как упорно Якоб боролся со сном, показалось Таотэ трогательным — словно малыш изо всех сил ждал его, чтобы уснуть вместе.

Разбуженная нежностью мысль не давала Таотэ уснуть.

Он повернулся на бок. Ночная тьма ничуть не мешала зрению оборотня: он отчетливо видел, как мерно и часто вздымается крохотная грудка спящего Якоба.

Малыш был до безумия мал. Невероятно, до нелепости крошечный.

Под стать тельцу были и щеки — круглые, пухлые, совсем не похожие на резкие, угловатые лица взрослых оборотней. Они казались такими мягкими, что их так и подмывало потискать.

Поддавшись искушению, Таотэ протянул руку в темноте и кончиком указательного пальца осторожно ткнул Якоба в щеку. В ответ сонный кроха недовольно качнул головой, пытаясь уклониться. Это показалось Таотэ забавным. Он легонько ткнул с другой стороны, развлекаясь так до тех пор, пока на них не проступил нежный румянец. Лишь тогда оборотень наконец отстранился.

Вдоволь налюбовавшись спящим чудом, Таотэ вернулся к насущной проблеме.

Кожа у малыша нежная, чувствительная, негоже ему постоянно расхаживать нагишом. Первоочередная задача — раздобыть для него хоть какую-то одежду.

Какую же выбрать? Перебирая в уме разные виды шкур, Таотэ никак не мог вспомнить ни одной, которая была бы достаточно мягкой для такой деликатной кожи. Шкурка прыгающего кролика считалась в этих краях верхом нежности, но даже она показалась бы Якобу жесткой рогожей. Ничего мягче неё Таотэ в своей жизни просто не встречал.

Промучившись в бесплодных размышлениях, он решил, что утро вечера мудренее. Стоит заглянуть завтра к Кэмпбеллу и расспросить его а-му — Сидни наверняка подскажет верное решение.

В этом мире среди оборотней не существовало деления на мужчин и женщин — все они рождались мужчинами.

Соответственно, не было и деления на сильный и слабый пол. Однако, при решении связать себя узами брака кому-то из пары неизбежно приходилось брать на себя больше домашних хлопот и заботу о потомстве. Почти любой оборотень при желании мог выносить дитя, но для этого требовалось прибегнуть к помощи племенного шамана. Существовал особый плод: если поместить его внутрь тела оборотня, появлялся шанс зачать ребенка.

А-му Кэмпбелла, Сидни, как раз был из таких. В молодости он славился недюжинной силой, но ради воспитания сына много лет назад осел дома, посвятив себя семейному очагу, и с тех пор накопил немало житейской мудрости.

Найдя для себя столь благовидный предлог, Таотэ решил отправиться к нему с первыми лучами солнца.

Однако планам его не суждено было сбыться в точности. Едва рассвело, у входа раздался знакомый голос.

Кэмпбелл настойчиво колотил в дверь:

— Таотэ! Ты спишь ещё, что ли? Мой а-му прослышал, что тебе нездоровится, и велел отнести тебе кое-что из еды!

В руках Кэмпбелл держал глубокую миску, от которой поднимался густой, аппетитный пар с выраженным сливочным ароматом.

Таотэ быстро поднялся и накинул одежду. Прежде чем подойти к двери, он заботливо укутал спящего Якоба вместе с его подушкой в одеяло, оставив лишь крохотную щелку для воздуха.

От этих приготовлений кроха проснулся. Он приподнял голову и недоуменно уставился на Таотэ, забавно нахмурив едва заметные, светлые бровки.

— Таотэ, что случилось? — сонно пролепетал он своим тонким, детским голоском.

Таотэ легонько коснулся пальцем его макушки и прошептал:

— Всё хорошо. Ко мне пришёл друг, я пойду открою. А ты спрячься поглубже и не шуми.

— Друг? Твой друг? — капризно протянул Якоб. — Из этих ваших... больших оборотней?

— Да, так что спрячься как следует, чтобы он тебя не заметил, — Таотэ повыше натянул одеяло, укрывая его с головой.

Якоб послушно замолк. Сверкнув голым круглым задом, он сполз с подушки и, смешно извиваясь всем телом, словно упитанная гусеница, начал пятиться вглубь складок одеяла. Наконец его белые пяточки скрылись из виду. Некоторое время под одеялом шло активное шевеление, после чего между складками ткани показались два блестящих, любопытных глаза.

Взгляд Якоба, ещё затуманенный остатками сна, лучился детской наивностью. Любой на месте Таотэ растаял бы от нежности.

— Сиди тихо, — ещё раз шепнул оборотень и наконец пошёл открывать дверь.

Стоило задвижке сдвинуться, как Кэмпбелл буквально ворвался в дом:

— Да что ты там так долго возишься? О боги, горячо-то как!

Бесцеремонно отпихнув хозяина плечом, он вихрем пронёсся к столу и с грохотом опустил на деревянную столешницу дымящуюся миску.

Как только Сидни снял кашу с огня, Кэмпбелл сразу же вызвался отнести её другу. Поначалу глиняная посуда казалась тёплой, но пока он ждал у закрытой двери, жар просочился сквозь толстые стенки и начал нещадно жечь пальцы. Выбросить драгоценное угощение парень не решился, а потому всю дорогу перекладывал миску из руки в руку, из-за чего обе его ладони теперь пылали пунцовым цветом.

Жалобно дую на обожжённые пальцы, Кэмпбелл обеспокоенно уставился на Таотэ:

— С тобой точно всё в порядке? Чего дрыхнешь так долго?

Обычно Таотэ поднимался с первыми петухами: успевал и двор подмести, и завтрак приготовить, и переделать кучу дел по хозяйству. Даже живя один, он никогда не позволял себе валяться в постели до позднего утра.

Позабыв про собственные руки, Кэмпбелл тревожно всматривался в лицо друга.

— Всё в порядке, просто заспался немного, — успокоил его Таотэ.

Подойдя к столу, он заглянул в миску и удивлённо посмотрел. Фирменное блюдо Сидни! Одно из любимых лакомств самого Таотэ.

Рецепт был прост: разваренные рисовые плоды, мелко порубленный фарш и особые ароматные травы, дающие нежный сливочный привкус. Несмотря на простоту продуктов, каша получалась необычайно нежной и духовитой. Обычно её готовили для приболевших оборотней или маленьких детей — сытно, полезно и очень вкусно.

— Ну и ладно. Поешь, пока горячее, да ложись обратно, — Кэмпбелл, убедившись, что с другим всё хорошо, снова принялся тереть ноющие ладони.

— Кстати, я как раз собирался зайти к вам сегодня, — обронил Таотэ.

Выйдя на улицу, он наскоро ополоснул лицо холодной водой, вернулся в дом и придвинул стул к столу.

— К нам? — Кэмпбелл так и просиял от радости и тут же устроился напротив.

— Да, нужно расспросить твоего а-му об одном деле, — кивнул Таотэ, зачерпывая ложкой ароматное варево.

— Да о чём там спрашивать? Спроси меня, делов-то! Зачем Сидни беспокоить? — Кэмпбелл заносчиво вздернул подбородок.

Таотэ редко просил о помощи — среди сверстников он всегда считался самым самостоятельным и сметливым, умеющим найти выход из любой ситуации. То, что он решил обратиться именно к старшему поколению, казалось Кэмпбеллу небывалой дикостью.

— Мне нужно отыскать что-то невероятно мягкое. Настолько, чтобы из этого можно было сшить одежду, — пояснил Таотэ.

Каша действительно удалась на славу: тонкий молочный привкус приятно обволакивал нёбо, а кусочки нежного мяса придавали блюду приятную сытность.

— А шкурка прыгающего кролика? — первым делом предложил Кэмпбелл.

— Шкурка прыгающего кролика слишком грубая. Мне нужно что-то во много раз мягче, — Таотэ покачал головой, не отрываясь от еды. Он так увлечённо орудовал ложкой, что совершенно не заметил, как Кэмпбелл залюбовался им, погрузившись в свои мысли.

Солнце медленно поднималось над горизонтом. Пора было собираться на службу в корпус самообороны. С неохотой поднявшись со стула, Кэмпбелл вздохнул:

— Ладно, я спрошу у а-му, когда буду возвращаться домой с дежурства.

Служба отнимала почти всё время, свободными оставались лишь редкие вечера да редкие выходные. День разгорался, и если Кэмпбелл прямо сейчас не припустит со всех ног к посту, то его ждал нагоняй за опоздание.

Таотэ благодарно кивнул, откладывая пустую миску. Во рту всё ещё оставался приятный сливочный вкус.

Кэмпбелл, довольный донельзя, выскочил во двор, прямо на ходу применил звериную трансформацию и весело помчался по тропе. Настроение у него было просто великолепное.